

**Книги
ДЖОЗИ СИЛВЕР**

Один день
в декабре

Две жизни
Лидии Бёрд

Призраки, любовь
и прочие безумства

ДЖОЗИ СИЛВЕР

ПРИЗРАКИ, ЛЮБОВЬ

И ПРОЧЕ

БЕЗУЩЕТВА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С36

Josie Silver
CRAZY SPOOKY LOVE
Copyright © Josie Silver, 2025
Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd.
All rights reserved

Перевод с английского Веры Сухляевой

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-29370-0

© В. Р. Сухляева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава 1

Так что, Мелоди, чем занимаешься в свободное время?

Я смотрю своему кавалеру прямо в его красивые карие глаза и лгу:

— Да как все. Сам знаешь. — Пожимаю плечами, мол, я совершенно обычная. — Много читаю... хожу в кино. Всякое такое.

Я пристально наблюдаю за Ленни, пока он переваривает мои слова, и выдыхаю с облегчением, когда его лицо озаряется.

— Да? Какой твой любимый жанр?

— Э-э... в кино или в книгах? — Я тяну время, потому что, признаться, свободного времени мне не хватает ни на то, ни на другое.

— В кино. Боевики или мелодрамы? Погоди, дай угадаю... — Он щурится и оценивает меня взглядом. — Ты похожа на фанатку ромкомов.

— Разве? — Я искренне удивляюсь.

Я очень невысокая и больше напоминаю Уэнсдей Аддамс, чем диснеевскую принцессу. Ладно, с Уэнсдей я, может, и перегнула палку, но суть ясна: я брю-

нетка и вкусы мои в одежде почти вызывающие. Сомневаюсь, чтобы хоть кому-то когда-то приходило в голову, что я кокетка. Возможно, Ленни разглядел что-то ускользнувшее от остальных, в том числе от меня самой. Это приятная мысль, главным образом потому, что у всех, кто слышал о моей семье, в голове сплошные предубеждения на мой счет.

— «Четыре свадьбы и одни похороны»? — спрашивает Ленни, передергивая плечами.

Замшелый выбор дает понять, что и он не любитель романтических комедий. Что ж, надежда есть. Я лишь пожимаю плечами, умалчивая, что в фильме мне понравилась только часть про похороны.

— «Отпуск по обмену»?

И снова я прикусываю язык и делаю заинтересованное лицо, потому что ему вряд ли понравится, если признаюсь, что скорее воткну в глаза иголки, чем опять соглашусь увидеть, как слишком оптимистичная Кейт Уинслет тащит за собой старика по бассейну. Мама каждое Рождество пытается усадить меня пересмотреть этот фильм, и каждое Рождество я придумываю новую причину для отказа.

К моему облегчению, официант приносит счет, и мы наконец покидаем ресторан. Пока что Ленни кажется зачетным парнем, и мне каким-то образом удалось произвести на него впечатление девушки из благополучной семьи. Возможно, в этот раз все будет иначе.

Ленни заезжает на своем заурядном седане продавца на мощеную дорожку к моему дому и глушит

двигатель. Я не против заурядности. Вообще-то, мою жизнь сейчас не помешало бы разбавить порцией заурядности, поэтому я улыбаюсь ему самой обольстительной улыбкой и, мечтая, чтобы мама уже ушла спать, приглашаю его выпить кофе. Веду его за руку в темноту задней двери, прижимая палец к губам. Мы на цыпочках пробираемся мимо комнаты мамы и поднимаемся по старой деревянной лестнице ко мне.

Я проворачиваю ключ в замке, Ленни кладет руку мне на талию, и по спине пробегают мурашки. Только взгляните на меня! Сегодня я на волне взрослой жизни! Ужин с приятным мужчиной, бодря беседа, теперь веду его к себе выпить кофе... и, может, даже и немного пошалить. Я не девственница, но в последнее время можно справедливо назвать мою личную жизнь посредственной. Под «последним временем» я подразумеваю два года, с тех пор как мы с Лео Дарком разорвали отношения. Под «мы с Лео» я подразумеваю Лео, который меня бросил, ссылаясь на конфликт интересов. Ха! Впрочем, учитывая, что моя не-от-мира-сего семейка — единственные медиумы в городе, кроме него самого, по крайней мере отчасти он был прав.

Но хватит о Лео и моей жалкой личной жизни. Все, чего я хочу, — чтобы Ленни ничего не узнал о моей чудной семье и зацеловал классную, обычную, совершенно нормальную девушку до потери пульса.

— Ты похожа на Кейт Миддлтон, — шепчет мне Ленни на верхней площадке лестницы.

Вообще-то, я сильно ниже и во мне нет ничего королевского, ну да ладно.

— Большие карие глаза и остроумные фразочки. Очень секси.

Почти не сомневаюсь, что у Кейт Миддлтон глаза зеленые и она не слишком славится остроумием, но сейчас разницы никакой, потому что, кажется, он только что поцеловал меня в шею! Дверь иногда заедает, и я пихаю ее плечом, стараясь выглядеть уверенной и грациозной, хотя, боюсь, скорее напоминаю спецназовца, врывающегося в дом. К счастью, Ленни совсем не встревожен и спокойно следует за мной. Вряд ли он замечает висящий в воздухе забористый аромат «Шанель № 5», но я замечаю, и сердце холодеет.

А ведь все шло так хорошо! Почему же я просто не поцеловала его на прощание в машине, чуть подразнив языком, и не отправила домой? Второе свидание было у меня в кармане.

Со вздохом включаю настольную лампу. На журнальном столике, в слишком коротком и слишком прозрачном голубом пеньюаре, стоит моя мать, воздев руки к потолку и запрокинув голову.

— Черт! — рывкает Ленни мне в ухо, явно испуганный.

Его можно понять. Моя мама — впечатляющая женщина, высокая и стройная, как балерина, с серебристыми волосами, струящимися по плечам. И это не седина — она родилась с волосами цвета чистого серебра. Сейчас мама выглядит так, словно ее распяли на моем кофейном столике.

Я фыркаю, бросая сумочку рядом с лампой. Вот тебе и «нормальная» девушка.

— Э-э... мама?

Она делает несколько глубоких вдохов и устремляет на нас сердитый взгляд.

— Ради бога, Мелоди, — ворчит она, опуская руки и упирая ладони в бока. — Я почти установила связь. Он прячется на чердаке, говорю тебе.

Я оглядываюсь на Ленни, который, естественно, позабыл целовать мою шею. Он приподнимает брови, безмолвно вопрошая: «Какого черта?», а затем переводит взгляд на мою мать, которая подзывает его, как сирена, заманивающая рыбака на скалы.

— Молодой человек, будьте добры, подайте руку.

— Нет! — почти кричу я, но Ленни уже спешит к ней с протянутой рукой, чтобы помочь маме спуститься с журнального столика.

Бросив на меня лукавый взгляд, мама слезает, не ослабляя цепкого захвата на руке Ленни.

— Длинная линия жизни, — бормочет она, проводя алым ногтем по его ладони.

— Мама... — с нажимом говорю я, но она не обращает внимания на мой суровый, предостерегающий тон.

Ничего иного я и не ожидала, она уже не раз выкидывала такой фортель. Ну то есть «распятие на столе» — это что-то новенькое, но мама стабильно проверяет моих потенциальных бойфрендов: смогут ли вписаться в нашу эксцентричную семейку. Правда, ее романтическое чутье оставляет желать лучшего: Лео прошел проверку на пять

с плюсом, и глядите, чем все закончилось. Я осталась с разбитым сердцем, а он устроился в утреннее шоу как штатный медиум. Где справедливость?! Ну вот, с тем же успехом можно сразу вытащить из семейного шкафа старый лязгающий скелет. Все равно тайна выплывет наружу, и, несмотря на все мои попытки пустить пыль Ленни в глаза, от правды надолго не спрячешься.

Меня зовут Мелоди Биттерсвит, и я вижу мертвых.

И я такая не одна. Я лишь последняя в длинной линии женщин Биттерсвит с этим даром — или проклятием, как посмотреть. Моя семья всегда гордилась своей ненормальностью, благодаря чему и процветает наше бюро «Неугомонные духи»¹ на Хай-стрит — главной улице Чапелвика. Пожалуй, Биттерсвиты живут здесь дольше, чем стоит часовня в дальнем конце улицы². Вероятно, именно поэтому в общем и целом горожане нас терпят: хоть это и чудики, но наши чудики.

Когда-то крошечная конторка — единственное помещение с двустворчатым окном — за последние двести лет непомерно разрослась. Теперь мы владеем тремя домами с террасами, как попало слепленными в одно большое здание, где работаем и живем

¹ Отсылка к одной из самых успешных пьес британского драматурга Ноэла Кауарда — комедии «Неугомонный дух». Главный герой пьесы никак не может избавиться от назойливого призрака первой жены.

² Название городка происходит от *англ.* chapel — часовня.

я, моя мама Сильвана и ее мама Дайси. На самом деле бабушку зовут Парадайз, но она называет себя Дайси с тех самых пор, как на свой пятнадцатый день рождения встретила моего дедушку Дьюка и он мелом написал «Дайси и Дьюк» в сердечке на задней стене нашего дома. А заодно и в ее трепещущем сердце.

— Сильвана!

Легка на помине. В этом доме хоть кто-нибудь спит ночью?!

Бабушка стоит в дверном проеме с поднятой рукой, готовая постучать. Я должна радоваться, что она хотя бы в приличной одежде, если можно считать таковой фиолетовое кимоно в пол из переливчатого шелка с огромными разноцветными драконами. Золотисто-рыжие волосы, обычно закрученные мелкими завитками в винтажном стиле, сейчас элегантно уложены на затылке, а на губах алая, точно пожарная машина, помада. Не все справились бы с таким образом, но благодаря горделивой осанке, уверенности в себе и плевать-на-всех посылу бабушка выглядит просто убойно. Она wpłyвает без приглашения и оглядывает мою маму и Ленни, которые все еще держатся за руки.

Господь! Клянусь, завтра утром я первым делом начну искать новое жилье — где угодно, лишь бы не в одном доме с мамой и бабушкой. Не поймите меня превратно, дом просто очаровательный, а семью я обожаю непомерно. Дело даже не в том, что у меня здесь нет собственного уголка — потому что

в теории он у меня есть. Мама с бабушкой занимают просторные апартаменты на первом этаже за «Неугомонными духами», а мне выделили квартирку поменьше на втором этаже, укрытую в глубине здания. Во многих отношениях я счастливица: у меня есть собственный уютный дом рядом с родными. Все бы ничего, вот только члены семьи считают в порядке вещей зайти ко мне, воспользовавшись выданным на экстренный случай запасным ключом, и выставить меня на посмешище.

— Почему Сильвана принимает мужчину вдвое моложе себя в твоей квартире? — Бабушка переводит взгляд с меня на маму. — Милая, надо было предупредить меня, что у тебя гости. Я бы сходила куда-нибудь поужинать. — Она легким касанием поправляет прическу. — Разве не положено накинуть на дверную ручку полотенце, или как там сейчас сигнализируют о таких вещах?

Она восхитительно самодовольна, и при одном взгляде на Ленни я понимаю, что эти две дамы ему не по зубам и он уже списал меня со счетов, а наше свидание признал худшим в своей жизни. Он зыркает на дверь, и я почти слышу, как он умоляет отпустить его целым и невредимым.

— Он не мамин кавалер, а мой. Вернее, был моим, — бормочу я.

Тут мое внимание переключается на старичка с пивным пузом, медленно выплывающего из потолка: заляпанная супом рубашка, фланелевые брюки не доходят до волосатых лодыжек. Я вижу мертвых людей, помните? Как и мама с бабушкой, которые

наблюдает за его спуском с одинаковым отвращением на лицах.

— Наконец-то! — рывкает моя мать, отпуская руку Ленни и переключаясь на новоприбывшего. — Два чертовых часа я гонялась за вами по всему зданию! Ваша жена хочет знать, что вы сделали с деньгами на хозяйство, которые она припрятала в зеленом чайнике. Говорит, если вы спустили их на скачки, то между вами все кончено.

— Полагаю, между ними в любом случае все кончено, — закатывает глаза бабушка. — Он мертв уже шесть недель.

— Кто бы говорил! Ты спишь со своим мужем двадцать лет после его смерти. — Мама резко встряхивает серебристыми волосами.

Тушэ!

Ленни, тихо скуля, кидается к двери. Оглядывается на мгновение, чтобы выпалить: «Я тут вспомнил, срочная встреча!», выскакивает в коридор и слетает с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки.

Я слышу, как хлопает дверца его машины, и гадаю, с кем встреча. Наверное, с белым другом.

— Завтрак, милая?

Когда я босиком врываюсь в их с бабушкой теплую, в фермерском стиле кухню, мама ведет себя так, словно вчера вечером не случилось ничего из ряда вон.

Знаю, знаю, двойные стандарты: я ною, что они свободно заходят ко мне в квартиру, а потом заявляюсь к ним по-хозяйски. В свою защиту скажу, что мама сама виновата. Она оставляет дверь приоткрытой и заманивает меня запахом домашней еды, сладким и неудержимым. Мне кажется, она научилась прогонять через древнюю систему отопления запах свежеприготовленных вафель — зов, перед которым, как она знает, мне не устоять: «Внимание, сахар! Внимание, сахар! Мелоди Биттерсвит, немедленно пройти на мамину кухню за кулинарными шедеврами и прожаркой на тему личной жизни!»

— В этот раз ты меня вафлями не задобришь, — ворчу я. Почти всю ночь я ворочалась с боку на бок и волновалась, что жизнь катится в никуда. — Где бабушка?

— Прямо сзади тебя.

Я поворачиваюсь на звук бабушкиного театрального рычания: она изображает Большого Злого Волка, веселясь от души. Вновь облаченная в сияющий фиолетовый шелк с вышивкой, она наливает себе крепкого черного кофе и садится за выскобленный до блеска сосновый кухонный стол.

— Я рада, что вы обе здесь, — начинаю я, придвигая себе один из разношерстой коллекции стульев и поливая сиропом вафли, от которых отказалась. Сверху кладу свежей черники, чтобы умерить угрызения совести. — Мне нужно вам кое-что сказать.

— Ты беременна? — Бабушка хлопает в ладоши, глаза блестят предвкушением.

— Весьма маловероятно, учитывая, что вы двое отпугиваете любых потенциальных отцов.

Мама выглядит румяной рядом с вишнево-красной английской плитой «Ага», которую она установила в завершение мечты о фермерской кухне.

— Женишься на женщине — женишься и на ее семье.

Я стискиваю зубы, и мысль о судьбе мисс Хэвишем¹ укрепляют мою решимость.

— Я открываю свой бизнес.

Обе резко поворачивают голову в мою сторону и широко раскрывают глаза. Я словно оказалась под светом прожекторов.

— В пустой комнате под моей квартирой, — добавляю я.

«Неугомонные духи» так разрослись, что у нас теперь полно свободных комнат, а самая большая из них, в глубине первого этажа, идеально подходит для моих начинаний. У нее есть отдельная дверь, выходящая в мощный переулок, — будет вход для клиентов, а камин с открытой топкой согреет в холодные месяцы. Технически комната в моей части здания, так что я не жду особой борьбы за нее.

— Но у меня там склад, — возражает мама, замеревшая со сковородкой в руке.

¹ *Мисс Хэвишем* — персонаж романа Чарльза Диккенса «Большие надежды». Брошенная женихом в день свадьбы, она много лет носит подвенечное платье, ничего не меняет в некогда роскошном, а ныне запущенном доме и растит приемную дочь, чтобы та мстила мужчинам.

— Тебе нечего складировать, — саркастически поднимаю бровь я.

С этим не поспоришь. Мы торгуем мертвецами. Им не нужно место на полках.

— Как известно, я раз или два проводила там спиритические сеансы, — небрежно вставляет бабушка.

— Да, и потом сказала, что больше не будешь, потому что там «отрицательная энергетика».

Подозреваю, дело было скорее в том, что сеанс проводился по заказу местного бридж-клуба и бабушку до одури утомили как живые участники, так и до крайности скучные духи, которых они вызывали. Впрочем, ее слова об отрицательной энергетике сейчас мне только на руку.

— Мне двадцать семь, — рассуждаю я. — Пора уже встать на ноги.

Мама многозначительно смотрит под стол на мои ноги — черно-белые носки в горох, цепочка с серебряными звездочками на лодыжке, — явно сомневаясь, что с такими ногами стоит открывать собственное дело.

— Чем же ты займешься? — спрашивает бабушка.

Она морщит нос при виде вафель, которые предлагает мама, и ограничивается тем, что накалывает на кончик вилки ягоду голубики. Она худая как жердь и ест как птенчик, предпочитая добирать точную норму калорий шампанским, без которого ее редко удастся увидеть. Когда она умрет, если во-

обще умрет, на ее надгробии будет написано: «Где-то уже пять вечера».

Что ж, пан или пропал.

— Охотой за привидениями, — бормочу я, запихивая в рот вафлю и не отрывая взгляда от тарелки.

— Повтори-ка, Мелоди. — Бабушка подается ко мне через стол.

Мама, с ее острым слухом, подозрительно щурится.

— Да, — говорит она вкрадчивым голосом. — Повтори еще раз, Мелоди, только ГРОМЧЕ! — Последнее слово она показательно рывкает.

Тяжко вздохнув, прочищаю горло.

— Я хочу открыть агентство, где людям помогают избавляться от нежелательных призраков.

Бабушка в ужасе округляет глаза и хватается за отвороты фиолетового кимоно.

— Избавляться? — Она смотрит на маму в поисках поддержки. — Сильвана, ты слышала?

— Не слишком отличается от того, чем мы уже занимаемся, — объясняю я, пытаюсь выставить идею в более выгодном свете.

— Наша семья представляет интересы покойных, а не живых, Мелоди. Вот чем мы занимаемся, — хмурится мама.

В ее устах фраза звучит как реклама семейной юридической фирмы для недавно усопших, и я воздерживаюсь от очевидного возражения. Вообще-то, мы в «Неугомонных духах» зарабатываем солидные

гонорары, представляя в большинстве своем интересы живых, а не мертвых, а именно — выступая в качестве посредника между ними. Мы поддерживаем линии связи, мы вроде астральной телефонной станции, и поэтому нам нужно, чтобы призраки не отходили в мир иной. Так что да, я не удивлена, что мое предложение принимают в штывки.

— Знаю. — Я стараюсь говорить ровно и спокойно. — Но вам обоим известно, что я не такая, как вы или как большинство наших предков.

— Ты — Биттерсвит, Мелоди. Ты видишь призраков, как и все мы, — возражает бабушка, жуя очередную ягоду.

— Все верно, я их вижу, еще как. Но разница между нами в том, что я не очень-то хочу их видеть. Меня дико раздражает, что они выскакивают как черт из табакерки, куда бы я ни пошла. И я не желаю тратить жизнь на попытки выяснить, что именно хотела сказать двоюродная бабушка Элис на смертном одре или на передачу сообщений недовольных жен о деньгах на хозяйство, пропавших из зеленых чайников.

Удар ниже пояса, знаю. Мама смотрит на меня, сердито поджав губы. Ничего, она это заслужила после представления на моем кофейном столике прошлой ночью.

— Умалая ценность услуг нашего бюро, ты не выглядишь ни серьезнее, ни умнее, Мелоди.

— Ладно, про чайник я зря. Мама, я знаю, что ваши услуги важны, и вы молодцы, но эта работа не для меня. — Я поворачиваюсь к бабушке. — Ты

тоже права. — Я накрываю ее костлявую, в драгоценностях руку ладонью, пытаюсь расположить к себе. — Да, я вижу духов. Вижу повсюду и так часто, что даже нет смысла искать нормальную работу.

С этим не поспоришь: всякая работа, за которую я бралась вне семейного бизнеса, всегда проваливалась с треском. Служба в качестве помощницы адвоката резко прервалась из-за того, что в офисе беспрестанно находилась покойная мать начальника и не давала мне ни минуты покоя. Она неустанно изводила его сообщениями, в основном выражая неодобрение его интрижкой с секретаршей. Не скажу, что я сама это одобряла, но, в отличие от старушки, предпочитала держать мнение при себе. Дошло до того, что я наконец сорвалась и громко велела призраку отвалить и перестать совать нос в роман адвоката с секретаршей. Возможно, это сошло бы мне с рук, если бы внезапно не заявила жена начальника, чтобы пригласить его на обед, и не услышала каждое слово. Добавлю только, что адвокату скоро понадобился собственный адвокат.

Затем меня взяли помощницей стоматолога, где я оказалась в компании давно почившего зубного врача, который открыл практику несколько десятилетий назад и, казалось, никак не мог с ней расстаться. Он вечно путался под ногами, пока я работала, и именно на нем лежит полная ответственность за то, что я приготовила не тот набор новых эмалей для местного депутата и нечаянно превратила его в одного из Кардашьянов. Он все еще винит меня в том, что проиграл выборы.

Силвер Дж.

- С36 Призраки, любовь и прочие безумства : роман / Джози Силвер ; пер. с англ. В. Сухляевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с.
ISBN 978-5-389-29370-0

Призраки? Ничего особенного. Чувства — вот что действительно сводит с ума!

Как чудесно обладать поистине уникальным талантом, да еще использовать этот талант в процветающем семейном бизнесе! Мелоди Биттерсвит бы поспорила. Ее дар — видеть призраков — причина скорее головной боли, чем гордости. И если в семейном бюро с духами общаются, мечта Мелоди — от них избавляться. Ну, не от всех, конечно, а лишь от тех, кто досаждаёт живым.

И вот у новоиспеченного агентства «Охотницы за привидениями» уже есть первый заказ: старинный особняк не желают покидать целых три призрака. Эти призраки — родные братья, и, кажется, один из них виновен в убийстве другого...

Случай и так непростой, а тут еще и вечно кто-то мешает работать. Например, Лео Дарк, экстрасенс, телезвезда и — бывший возлюбленный Мелоди. А еще Флетчер Ганн — местный репортер-скептик, который не успокоится, пока не очернит семью Биттерсвит. Или пока не останется с Мелоди наедине.

Словом, даже в истории братьев-призраков разобраться проще, чем в собственной личной жизни...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ДЖОЗИ СИЛВЕР

ПРИЗРАКИ, ЛЮБОВЬ И ПРОЧИЕ БЕЗУМСТВА

Ответственный редактор Евгения Бессонова

Редактор Ирина Залогина

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Гузель Зайдуллина, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.05.2026.

Формат 84 × 100 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 20,28. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үйі
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-JJN-38484-01-R